

несколько иначе осмыслен эпизод о Чтыраде и т. д.). Наряду с некоторой «вольностью» первый великорусский перевод обнаруживает и другую тенденцию — стремление к тщательной датировке событий: не только сохраняются все даты, имеющиеся у М. Бельского, но иногда привносятся и даты, у него отсутствующие. «История о Бохеме», напротив, точно следует оригиналу.

Но главное различие между «Историей вкратце о Бохеме» и седьмой главой Космографии 1670 г., с одной стороны, и русскими переводами М. Бельского — с другой (т. е., в сущности, между М. Бельским и А. Гваньини) нужно искать в другом: какую роль в «Хронике» М. Бельского, а следовательно и в русских переводах ее, играл материал, выпущенный М. Пашковским и не вошедший в «Историю вкратце» и 76-главную Космографию. Выяснение этого поможет решить вопрос, чем — по сравнению хотя бы с западнорусским Хронографом — привлекало изложение событий чешской истории у М. Пашковского и почему понадобился новый перевод.

Выше были охарактеризованы эпизоды, которые М. Пашковский не включил (или включил, предельно сократив) в книгу А. Гваньини. Все эти эпизоды не носят легендарно-беллетристического характера. Если в «О Чесском кролевстве кронике» (Хронограф) легендарные события чешской истории вполне уравниваются собственно историческими сообщениями, то в «Истории о Бохеме» акцент сделан именно на легендарных фактах. Материал здесь также распределен с понятным расчетом — выделить прежде всего занимательные рассказы о Чехе, пророчествах Либуши, девичьей войне и т. п. Так, в «Истории вкратце» о смерти Каши и Тетки упомянуто тотчас после рассказа о смерти их сестры Либуши. Это устранил перебой, получившийся в Хронографе, где о смерти двух сестер сообщается после длинного рассказа о девичьей войне.

«Изложение всемирной истории было подчинено в Русском хронографе чисто литературным, повествовательным задачам», — пишет Д. С. Лихачев. И далее: «Хронограф делится не на годовые статьи, как русская летопись, а на ряд рассказов с законченным повествовательным сюжетом».²⁸ Глава о Чехии попала в западнорусский Хронограф именно потому, что древнейшая история Чехии в изложении чешских хронистов и М. Бельского представляет собою как раз «ряд рассказов с законченным сюжетом». Но чешская часть «Хроники» М. Бельского — наполовину историческое повествование. «История о Бохеме», в отличие от нее, если можно так выразиться, «сборник легенд», незначительно дополненный перечислением вполне реальных князей и королей. Наличие интереса к отдельным легендам, составляющим древнейшую чешскую историю, подтверждают самостоятельные списки «Ивана, королевича карвацкого» и предания о девичьей войне.²⁹ Лучшим доказательством художественной ценности легенд, освещающих древнейший период истории Чехии, служат известные «Старинные сказания чешские» А. Ираска, построенные в первой части на том же материале, что и «История вкратце о Бохеме».

²⁸ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 335, 337.

²⁹ Их происхождение еще предстоит выяснить.